

Константин Фрес

НАЛОЖНИЦА
КОРОЛЯ

Константин Фрес

Наложница Короля

<https://litres.ru/74203417>

Аннотация

Юная девушка волей судьбы попала в королевский гарем, да только любовь Короля - это всегда страх, боль и кровь. Ведь иначе как Зверь, Короля никто не называет. Лишь однажды побыв с новой наложницей, Король всегда покидает ее, чтобы найти себе новую жертву. Он жаждет любви, но не умеет любить и потому терзает и мучает своих невест. Но однажды в королевскую столицу приезжает Сердечный Брат Короля, и жизнь бедной девушки меняется.

Содержание

Пролог	4
Сердечный Брат Короля	10
Искусство любви	20
Запертый Зверь	34
Вкус поцелуев Зверя	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пролог

... Раз в месяц, когда наступает полнолуние и деревья вяжут черными вервями узоры на фоне бледного круглого диска, Зверь начинает рваться со своего поводка, воя от страдания, раздирающего ему грудь. Он жаждет людей, хочет тепла, ласки и любви. Старая Королева не может удержать его ни лаской, ни хитростью, ни болью. Отчаяние зажигается в ее глазах, из иссохшей тощей груди ее рвутся рыдания, она роняет слезы горше яда, но отдает этот приказ - найти невесту Королю, которого иначе как Зверем никак не называют, - и всех красивых молодых девушек в округе прячут, чтобы те не достались Зверю. Ведь он пожрет любую, насытится ее телом, вне зависимости от сословия и достатка.

Да только напрасно все это; их находят, упрятанных на сеновалах и в подвалах, тащат на божий свет за косы, и королевские евнухи выбирают самую крепкую, самую красивую, самую здоровую и чистую девственницу. Родным ее платится огромная сумма, чтобы те не вздумали жаловаться на свою несчастную долю, да только любящие родители не спешат радоваться деньгам и все равно прячут дочерей, не желая им доли королевской невесты.

Старая Королева - само зло. Она любит своего Короля, свет меркнет в ее глазах, когда Зверь отправляется на брачное ложе с очередной невестой, она стонет и мечется по ко-

ролевской спальне, стена и заламывая худые старые руки, ломая узловатые пальцы, униженные дорогими перстнями и кусая тонкие сухие губы. Смешны чулки с бархатными подвязками на ее увядших бедрах, не нужен корсет чтоб поднимать ее дряблую грудь. Ее морщинистое лицо не украсят никакие белила и румяна, и самые роскошные платья не подчеркнут того, чего нет - красоты. Тяжек ее золотой венец, черны ее дорогие одежды, а в дорогих камнях ее украшений словно заточены чьи-то страдающие души, проданные ею демонам...

Королева любит своего Короля.

Зверю едва ли миновало двадцать лет, и восемь из них он держит в руках меч. Дитя сурового снежного дикого Севера и холодного солнца, потомок диких волков и медведей, он был наделен недюжинной силой и неукротим, как снежная лавина в горах. Когда в каменную столицу пришла беда, когда враги вгрызались в глотки защитникам и терзали обескровленную армию, явился он - Зверь в Медвежьей Маске, и беда и смерть отступили. Одним богам известно, почему Зверь отогнал поганных серых крыс от границ, почему он - дикий, немой, не умеющий говорить человеческим языком, - протянул руку помощи Старой Королеве и отбил ее королевство у врагов. Почему он не потребовал за свою победу ничего у каменного черного города - тоже никто не знает, как смог прижиться в каменных стенах дворца после свободного леса, и за что полюбила Старая Королева немого яростного

Зверя - осталось черной, как ее каменный город и ее вуали, тайной.

Только она полюбила.

Пропахшего войной, кровью и пожарищами, огромного и сильного, как дикий лесной зверь, в тяжелых меховых одеждах, в шлеме из оскаленной медвежьей головы, закрывающем его голову и лицо. Никто и никогда не видел его лица, кроме Сердечного Брата, никто не слышал дорого слова из его уст. Его огромные, сильные обветренные руки могли только крушить и убивать, его широкие плечи могли только заслонять солнечный свет.

Но Старая Королева полюбила его с первого взгляда. С первого его шага под каменными сводами ее замка. Он словно крался, принюхиваясь как дикий зверь, и она бесстрашно вышла ему навстречу. Она не испугалась.

Его мощная грудь, перетянутая широкими ремнями, была залита кровью и тяжело вздымалась, стальные мышцы буграми перекачивались на иссеченных руках, покрытых старыми шрамами и свежими ранами. Королева не побоялась. Она прижалась к нему, окровавленному, обхватила его мощное тело руками и слушала, как бьется в груди его сильное сердце.

Королева полюбила Короля всей своей старой, пустой душой, неистово и безумно, словно нет и не было ничего в ее землях дороже и прекраснее Зверя. И стала его женой, позабыв своего покойного Короля, который, поговаривают,

был прекрасен, добр и милосерден. И отдала Зверю корону, власть и королевство и покорилась ему.

Не это ли была плата за его победу?..

Но Зверь не умел любить. Или, может быть, жаждал иного?.. Да только став Королем, он тотчас начал искать себе невесту, молодую и полную сил, и горе пришло в покои к Старой Королеве. Она рвала волосы на голове и стонала от муки, называемой ревностью, но ничего сделать с Королем не могла. Он настоял на своем.

Но Королева была хитра. Она знала, как любит Зверь. В постели он был так же неистов и дик, как в бою, и иногда кричала она не только от наслаждения. Его не учили быть нежным и его пальцы не ласкали женщин. Хитрая старая Королева, она шептала Зверю в уши, что невеста напугается его, что не захочет, и будет вопить от ужаса и боли, что его образ настолько дик и свиреп, что невеста может и умереть от разрыва сердца.

- Она не примет тебя, о, нет! - шептала Старая Королева.
- Ты страшен. А она тебя не полюбит так, как я. Ты не принесешь ей наслаждения так, как приносишь его мне, и она проклянет тебя перед ликом всех богов. Этого ты хочешь?

Но Зверь оставался непреклонен, и хитрая Старая Королева уступала.

Евнухи выбирали девственницу и отводили ее, обмирающую от страха, на брачное ложе Зверю. В полночь он являлся, и тогда крики терзаемой девушки разносились по всему

замку, и Королева заламывала руки и плакала, билась в своей спальне, погибая от ревности. Ведь он любил другую.

Скоро являлся Зверь, рыдая и пряча лицо под медвежьей маской. От горя он снова едва не разучился говорить. Слова Королевы подтверждались - девы не принимали его. Каждый раз его ждала кровь и боль, отвращение и ужас, и он уверовал в то, что страшен и безобразен, и что ни одна женщина его не примет.

Он падал в колени своей хитрой Старой Королеве, со страстью сжимал ее худые ноги и плакал, как дитя, выл, как волк на луну, а она утешала его, поглаживая вздрагивающую мощную спину худой костистой ладонью и тайком улыбаясь. После он любил свою Королеву, зло, яростно, и кричала уже она - от счастья, наслаждения, торжествуя свою очередную победу.

Королева любила своего Короля...

А невесты Короля, его наложницы, его куртизанки, оставались во дворце. Зверь никому не желал отдавать свою добычу! Всего однажды за всю свою жизнь побыв с ним, они становились его вещами, безмолвными рабынями, чьею обязанностью было прислуживать Зверю и любить своего Короля, выражая свою любовь так, как он велит. Не было у них иной судьбы, кроме этой. Разодетые, как самые знатные дамы, они могли выполнять любую работу - и мыть посуду, и чистить печь, и служить табуретом, чтобы Король мог поставить на склоненную спину наложницы свои ноги, если ему

вздумается. Он мог заставить их проводить ночь с его друзьями и вассалами, развлекая гостей и угождая им, и невесты Зверя все это сносили. Их участь - любить своего Короля...

Старая Королева зорко следила, чтобы ни одна из девушек более с Королем ночи не проводила, а потому они тихо исчезали из замка - кого-то Королева продавала верным вассалам, кого-то отправляла с тайным поручением так далеко, что в пути проходила вся жизнь их. И продолжала поставлять своему Зверю невинных девственниц, лелея в его голове мысль, что только с нею он может познать счастье и любовь.

Она крепко держала поводок своего Зверя в старой морщинистой руке...

Я - Катрина, его куртизанка. Его невеста на одну ночь, его вещь. Он любил меня, но в его любви нет ничего, кроме боли, крови и унижения. И моя судьба и обязанность - любить своего Короля...

Сердечный Брат Короля

Черный Город больше не любил Вольный Север.

Бессовестная Старая королева раз за разом отвечала отказом посланникам, и те возвращались ни с чем обратно.

Денег нет, говорила Старая Королева бессовестно, усмехаясь. Не было денег северянам, обороняющим ее границы от жадных крыс, не было денег им на теплую одежду и на добрые, хорошие шкуры для их шатров. Не было кож для ремней и сапог, не было денег на сталь для наконечников стрел - подстелить дичь или врага, все равно.

Она забрала, отняла у севера самое драгоценное, что было - Зверя, - околдовала его, лишила силы, разума и воли, и теперь отказывала северянам во всем, презрительно называя их варварами. Она знала - стоит им взбунтоваться, пойти войной на столицу, как Зверь воспрянет ото сна, взорвется яростным рыком и выместит на них свою злобу и многолетнюю боль. Погибнут все; и северяне это знали. А потому предпочитали и дальше мерзнуть в дырявых шатрах и есть мясо павших коней, лишь бы... лишь бы...

Старая Королева воистину была умна и хитра. Она понимала, что рано или поздно ее жадность будет наказана, но продолжала творить это зло. Соглядатаи ее черными воронами разлетались вдоль дорог, каркали картавыми голосами в снежных полях, и капали черный яд посланникам севера

в глиняные кружки с питьем. Одного за другим их закапывали в промерзшую холодную землю и снег заносил свежие могилы белым покрывалом. Но и эти могилы, словно узлы на старой нитке, подбирались все ближе и ближе к каменному городу, и Старая Королева, обмирая от ужаса, слышала тяжкую поступь того, кто идет с Севера, попирая ногами могильные холмы, шепча краткие молитвы в честь ушедших верных слуг своих.

Снег скрипел под подошвами его меховых сапог, перетянутых на лодыжках засаленными старыми ремнями, дыхание легким белым паром вырывалось из горячей глотки, тяжелая шуба из звериных шкур лежала на его плечах, холодное солнце играло слабыми лучами на золоте его волос. Он был хорош собой, красив суровой мужской красотой - высок, крепко, хорошо сложен.

Именно его Старая Королева боялась, именно его сдерживала всеми силами, именно для него не жалела яда и его страшилась пустить в столицу. Сердечный Брат Короля, единственный человек, которого любил и которому доверял Зверь. Он был старше Зверя всего на пять лет, но это были долгие и трудные годы, а оттого Зверь почитал своего Сердечного Брата как старшего брата, как отца и слушал его наставления. Они вместе рубились в боях с крысами, они латали друг другу раны, и лечили друг друга, вливая горький настой в жарко дышащий рот.

Злые языки говорили, что Зверь и Сердечный брат Коро-

ля бросили монетку, кому из них стать Королем. Один принес себя в жертву Северу, надеясь, что за это Старая Королева поможет его народу, и некоторое время так и было. До тех пор, пока хитрая Старая Королева не сломала, не уничтожила Зверя - непобедимого и могучего воина. Когда она уверовала в свою полную власть над Зверем, она отказала северу. И это не могло понравиться Сердечному Брату Короля, отдавшему Старой Королеве самое ценное, что есть у него - друга. И не получившему за это ничего.

Остановившись посреди двора Черного Замка в каменном городе, северянин сунул руки за пояс и громко расхохотался, закинув голову. Его умные васильковые глаза глянули в сторону узких стрельчатых окон, за которыми мелькнула ненавистная черная фигура. Он еще раз недобро усмехнулся, отряхивая снег с плеч, и к нему тотчас подбежал человек - такие обычно сгибаются чуть не вчетверо в подобострастном поклоне, берут тяжелую поклажу и лошадей под уздцы.

Но этот, хоть и проявлял недюжинную гибкость в позвоночнике, смотрел строго и внимательно, и ничего из рук приехавшего господина брать не стал.

- Что Король, - спросил прибывший, - здоров ли?
- Вполне здоров и полон сил, - прошептал встречающий.
- Тоска только гложет его сердце.
- Тоска, - задумчиво повторил приехавший, потирая гладко выбритый подбородок. - Он не нашел свою невесту?
- Нет, господин, - тихо и испуганно шептал соглядатай. -

То-то и странно. Король молод и здоров, а...

- Не твоего ума дело, - грубо оборвал его северянин, хмурясь и кусая губы. - Ну, води меня к Старой Королеве. Я поговорю с нею о моих делах.

Северяне не привыкли откладывать своих дел надолго, и приехавший, отряхнув с широких плеч снег, ступил в замок Старой Королевы. Он не отдал своей одежды слугам, от отверг питье и угощение, поднесенные ему с дороги - может, оттого он живым добрался до столицы? - и пинком открыл двери в тронный зал.

- Сердечный Брат Короля прибыл! - прорычал он, и многоголосое эхо разнесло могучий рык по многочисленным переходам в замке. - Требую почестей, положенных мне, внимания и защиты!

Ах, как знать, сколько неудачливых отравителей в этот день отправилось на конюшню - считать спиною плети? Сердечный Брат Короля в самом сердце королевства возвестил о своем прибытии, и отрави его теперь - Зверь убьет любого, даже старую Королеву. Это знал Сердечный Брат Короля, названный брат Зверя, и оттого смеялись его васильковые глаза, глядящие на скорчившуюся на троне старуху в черных траурных нарядах.

- Доброго дня, Этель, - произнес северянин, весело усмехаясь, и Королева задрожала от злобы, стиснула худые пальцы. - Здоров ли Король?

- Зачем ты приехал, Кристиан? - проскрипела Королева,

и северянин усмехнулся, ступил к ней ближе.

- Я хотел повидаться с Королем, - ответил он нахально. - И передать ему просьбу от нашего народа. Мне кажется, наши слова отчего-то не доходят до него. Или доходят неправильно. Вероятно, ваши переводчики что-то путают, не понимают наш язык. Так вот я сам ему все скажу - на понятном ему языке.

- Король слышит ваши просьбы, - рыкнула старуха, и тот, кого она называла Кристианом, расхохотался.

- Я не верю тебе, Этель, - просто ответил он. - На Севере тебе никто уже не верит. Все говорят, что ты околдовала или прокляла Короля, оттого он позабыл нас.

- Ложь! - выкрикнула Старая Королева, и багровый румянец проступил сквозь густой слой белил. - Это ложь!

- Отчего тогда Король не может найти себе невесту и любит тебя? - нахально спросил Кристиан. - Отчего он не продолжает свой род, как положено Королю и не родит наследника, а предпочитает ласкать твое трухлявое тело?

- Оттого, что Зверь не умеет любить, - шипела Старая Королева. Она возилась на своем троне, крутилась, словно добрые люди разожгли под ним огонь и раскалили его добела, и словно сидеть на нем было невыносимо. - Он груб и дик! Он страшен и уродлив! Он умеет причинять только боль!

- О какой боли ты говоришь, старуха, - огрызнулся Кристиан. - О той, что получают женщины, в первый раз ложась в постель с мужчиной?

- Если бы только это, - усмехнулась Этель. - О, нет! Раз в месяц, в полнолуние, на него накатывает неутолимая жажда, и он превращается в монстра! Если не дать ему женщину, он растерзает всех, кто попадется ему под руку. Но и с женщиной он любезен не будет. Он возьмет ее грубо, страшно, он не остановится до утра, и некоторые не переживают этой ночи. Знал ты это о Звере? Теперь знай.

Кристиан усмехнулся, рассматривая скрюченную фигуру на троне.

- Что же выходит, - со мехом произнес он, - ты что, самая крепкая в твоём королевстве? Старая трухлявая колода крепче и выносливей юных дев, коль скоро Зверь еще не вытрахал твою душонку их прогнившей плоти?!

- Последи за языком, Сердечный Брат Короля! - зашипела злобно Старая Королева, корчась от его насмешек. - Ты не Король, и должен знать свое место! Как ни верти, а я его жена и Королева. И так останется навечно! Не может твой Король иметь иной жены. Не будет у него наследников. Не будет иной любви. Я сдерживаю его буйный нрав, и лучше бы вам всем быть мне благодарными за это!

«Бедный сын мой, - печально подумал Кристиан, и его красиво очерченные губы дрогнули. - Ты был слишком юн, и времени у тебя не было, чтоб научиться нежности. А эта старая ведьма воспользовалась этим... но она заплатит за свою хитрость!»

- Это чепуха, - беспечно ответил Кристиан, притворяясь, что ничего такого не задумал. - Я увезу Короля на Север, там мы сыщем ему покладистую девицу, которая родит ему много сыновей и еще больше - дочерей. Женщины Севера более отважны, чем местные девицы, и куда более смиренны.

Услышав это, старая Королева задрожала.

- Что ты хочешь, Кристиан? - прошептала она трясущимися губами. Ее маленькие запавшие глаза, почти лишенные ресниц, мгновенно покраснели, она смотрела на мужчину - и словно не видела его. - Не для Севера - для себя? Скажи; назови свою цену и оставь мне Короля. Каков бы он ни был, прячущийся под медвежьей маской, а я люблю его.

Кристиан с ухмылкой осмотрел зал, богатое убранство, глянул себе под ноги и увидел свое отражение в натертом до блеска полу.

- Я вижу, на что ты тратишь деньги, Старая Королева, - с усмешкой произнес он. - На колдунов, которые лечат твое старое тело после любви Короля и на бесполезную роскошь, чтобы потешить себя. Но я человек простой. Мне не нужен мрамор для дворца, и золотая чаша тоже не нужна, мне хорошо пьется и из глиняной кружки. А для начала... - Кристиан вдруг задумался. - Вели-ка мне приготовить комнату, Этель, да с горячей водой - согреться с дороги. И девку дай. Покрасивее да покрепче. Такую, какая и две ночи со Зверем пережила бы.

- Хочешь невесту Короля? - прошептала Старая Короле-

ва одними только губами, но Кристиан разгадал беззвучное шевеление ее сморщенных губ.

- Самую ладную, - произнес он, и глаза его заблестели, ноздри затрепетали, он с жаром потер руки. - Самую красивую и здоровую!

- У Короля других не бывает, - безжизненно ответила Старая Королева, поникнув.

- Так веди!

Старая Королева тяжело поднялась с трона. Двигалась она медленно и тяжело, бремя лет давило на ее согнутые плечи, и Кристиан посторонился, когда она проходила мимо, словно боялся, что край ее одежды заденет его. Как будто мимо него сама чума прошла или смерть.

«Давай, старая Этель. Веди ее. Покажи мне, как выглядит твоя судьба», - подумал Кристиан.

Он не был суеверен и не верил чародеям и магам, которые брали деньги за то, что вглядывались в будущее, но сейчас он не мог подумать иначе. Судьба. Он знал, что старуха, обмирающая от страха, не желающая выпускать из своих цепких когтистых лап свою желанную добычу - Зверя, - поспешит выдать Кристиану его выкуп и просто ухватит ту девицу, которая окажется поблизости. Кто знает, какие дороги привели эту девушку именно сюда и именно в этот момент? Кем была она - дочерью нищего дровосека, тянувшей повозку с хворостом в засыпанном осенними листьями лесу, коль скоро не сумела она убежать от слуг Короля, ищущих ему невесту?

Или знатной дамой была, любимой взлелеянной дочерью, а завистливые злые соседи, желая причинить боль и зло ее семье, указали слугам Короля на ее дом? Что делала она поблизости от тронного зала - мыла ли полы, натирая их щеткой, или шла на конюшню, расплачиваться за собственную оплошность? Теперь не узнаешь. Сама она вряд ли захочет рассказать, да и жизнь в королевском замке здорово укорачивает язык.

- Давай, Этель, веди сюда свою судьбу...

Дверь, чуть слышно скрипнув, вновь распахнулась, и старуха, шаркая слабыми ногами, втащила в тронный зал за руку девуцу, покорно семенящую за Старой Королевой.

- Держи, - толкнув девушку к Кристиану, выдохнула Старая Королева. - Если хочешь, забирай насовсем, Зверь не заметит.

Карие, как переспевшие вишни, глаза девушки в оправе из чернейших, как спящий лес зимой, ресниц испуганно уставились в лицо северянину, она склонила голову, и по плечам ее скользнули богатые волосы, почти алые, как пламя костра, шелковые длинные локоны, такие густые и длинные, что и покрывала ей не надо было.

Кровь отлила от лица северянина, он и не заметил, как оказался на коленях, нерешительно и робко прикасаясь к подолу бархатного белого платья девушки, богато расшитого золотом и жемчугами, жарко горящими в свете свечей. Словно не женщина перед ним стояла, а божество, сошедшее на

землю. Тихо вздымалась нежная грудь, тонкая шея словно выточена из мрамора, печально поникла, как стебель цветка в жару, нежны пальцы ее, словно из полупрозрачного фарфора, нерешительно перебирали складки платья.

- Чудо какое, - прошептал Кристиан потрясено, вглядываясь в смиренно склоненное лицо невесты Короля, белоснежное, как зимние поля на его родине и прекрасное, как летний сон. На щеках словно отсветами от розовых лепестков лежал румянец, тонкий и нежный. Губы девушки были так алы, так соблазнительны и красивы, как спелая вишенка, и Кристиан ощутил непреодолимое желание тотчас припасть к ним, попробовать их на вкус и обо всем забыть. - Богиня, ангел... Этель, ты воистину щедра, если даришь мне такие подарки! Буду беречь ее пуще собственного сердца, никому не отдам...

- Так ты согласен? - тревожно каркнула старуха словно из небытия. - Мы договорились?

- Договорились, Старая Королева, - произнес Кристиан, поднимаясь и не в силах отвести свой взгляд от девушки. - Я лишь погощу немного, навещу Зверя, скажу ему, что соскучился, и уеду... Так я могу забрать ее с собой?

- Она твоя, - усмехаясь, ответила Этель. - Ты слышишь, Катрина? Твой долг и первая обязанность - любить Короля. Так возлюби его, служа этому господину.

Искусство любви

Невеста Короля была молчалива и двигалась тихо, как тень. Кристиан, шагающий впереди, то и дело оборачивался, чтобы убедиться, а следует ли подаренная девушка за ним. Она шла.

Кротко уронив бессильные руки вдоль тела, опустив взгляд глаз, и на ее белоснежном лице было написано лишь смирение и неземной, потусторонний покой. Видимо, пыталась бежать из дворца когда-то. Вероятно, сразу после ночи любви с Королем, не желая себе такой судьбы. Не умереть - смерть грех, да и глупое зло против себя. Коли тебя итак уже обидели другие люди, к чему добавлять самую огромную обиду от себя? Она не хотела умирать. Жить она хотела, в ней столько здоровья и силы, что жить бы ей, да детей родить...

Но ее поймали и сломали. У Старой Королевы хорошие палачи, они не зря едят свой хлеб.

Поэтому сейчас она покорно брела за Кристианом, даже не помышляя сделать хоть шаг в сторону, уклониться от его маршрута. И не важно, что сделает с нею приезжий - палачи могут сделать большее. Она это знала. А если в конце любого пути ее ждет боль, то не все ли равно?.. Кристиан смотрел на девушку, облизывал жадно внезапно пересохшие губы и, усмехаясь, шел дальше.

Погоди же, Старая Королева...

Комнату для Сердечного Брата Короля готовили всегда одну и ту же - достаточно просторную, чтобы вместить купальню, просторное ложе и стол. Это и все, в чем обычно нуждался Кристиан - в хорошем отдыхе после долгого похода и в еде. Но не сегодня.

Перед дверями своей опочивальни Кристиан остановился, снова обернулся на девицу - та немного отстала, словно идти вслед за мужчиной ей было невыносимо трудно и страшно, а оттого шаги ее прелестных ножек были совсем крошечными, - и дождался ее.

Она подошла к дверям и уставилась на Кристиана темными глазами, в которых уже закипали слезы, отчего показалась ему еще краше и невиннее.

- Заходи,- велел он, распахивая перед нею двери. - И ничего не бойся. Я же не Зверь. Я тебя не обижу. Обещаю. Слово Сердечного Брата Короля.

Девушка торопливо ступила в комнату, как-то стыдливо, неловко втянув голову в плечи, и Кристиан, шагнув за ней, накрепко заперся изнутри. Старой Королеве незачем было знать, о чем они будут говорить и чем станут заниматься.

- Ну, поможешь мне раздеться?

Девушка безмолвно и покорно опустилась на пол, готовая стащить огромные сапоги с ног своего нового господина, и тот снова усмехнулся, покачал головой.

- Глупенькое дитя, - проговорил он, склонившись над нею

и обнимая ее плечи широкими горячими ладонями. - Не знаешь, как угодить мужчине?

Девушка лишь отрицательно мотнула головой, торопливо отирая быструю слезу, прочертившую блестящую дорожку на белоснежной щеке.

- Ну, не плачь, - Кристиан помог ей подняться, покровительственно погладил ее склоненную голову. - Я не хочу, чтобы ты плакала. Ах, как ты хороша собой! Какие волосы - что шелк! Ты очень красива. Тебе говорили об этом?

- Это проклятье мое, - прошептала она тихо, и Кристиан обнял ее, прижав на миг к своей груди.

- Глупенькое дитя мое, - повторил он. - Ты не знаешь еще, какой это дар. Ну, поступим так: я пойду, помоюсь после долгого пути, а ты разбери мою сумку - там припасы, еда. Не такая мудреная, к какой ты привыкла во дворце, зато не отравленная. И дожидайся меня, согревай мне кровать... Да не углями, глупенькая. Собой. Я хочу видеть тебя в постели совсем нагишом, поняла? И не бойся.

Кристиан, неторопливо избавляясь от одежды и осторожно ступая в горячую купальню, полную ароматной воды, размышлял, как же ему подступиться к девушке. Было видно, что она забита и запугана, да так, что не посмеет и пискнуть, если он вздумает ей горло перерезать. Странно, странно это... Прислушался - она шуршала тихо, как мышка в норке, избавляясь от одежды. Затем еле слышно скрипнула кро-

вать - девушка легла и затихла, притаилась. В комнате повисла такая тишина, что не было слышно даже дыхания девицы, лишь сверчок напевал свою песню где-то в теплом углу.

Усевшись в горячей воде, расслабившись, Кристиан пригоршнями плескал ее себе на грудь, стирая с кожи пот и грязь, и все не мог перестать думать о внезапной ярости Зверя. Да, в бою он был дик и неистов, это верно. Резок на слова. Но он никогда не поднимал руки на слабых, тем более на женщин. От чего же начал теперь? Он мог быть неловким, неумелым любовником, это верно. Когда учиться любви, коли вся жизнь проходит в битвах? Сколько времени мирной жизни он видел? Мало. А на войне... Кто там, в походных шатрах, утешает солдат - грязные шлюхи? Их любить особого ума не надо, они вынесут все за пару медяков.

Но получив на брачное ложе богиню, - от одной мысли о девушке, которая ждет его сейчас в постели, у Кристиана кровь забурлила, прилила в пах, заставив член отвердеть и приятно запульсировать, - разве надо ее бить и ломать?! Нет, что-то тут не так. Если бы не заверения верного человека, что Король здоров, Кристиан подумал бы, что Зверя больше нет, что поганые столичные черви убили его, а под маской медвежьей кто-то совсем другой. Но Король был жив. И с ним творилось что-то неладное, прах его побери.

- Я разужнаю, я все разужнаю, старая Этель, - бормотал Кристиан, покидая купальню и отираясь белыми простынями, - я заставлю тебя вернуть мне Зверя!

Неторопливо отодвинул он ширму, отгораживающую его купальню от спальни, так же неторопливо вышел, взгляды-ваясь в полумрак, которые еле-еле разгоняли горящие свечи. Влага блестела на его широкой, мощной спине, на груди, поросшей золотыми курчавыми волосами, узкой дорожкой сбегавшей по мускулистому животу до самого паха. Плечи его были широки и сильны, на руках под смуглой кожей перекатывались крепкие мышцы, и девушка, лежащая в постели, чуть ахнула, приподняв голову и уставившись на своего нового господина. Она никогда ранее не видела настолько красивого мужчину, и ей показалось, что среди ночи вдруг солнце вошло.

- Не видела никогда голого человека? Как же тебя любил твой Король?

Кристиан неторопливо прошел к постели и остановился, восхищенно цокая языком.

Девушка, покорно лежащая на белоснежных простынях с разведенными ногами, была прекрасна и совершенна, словно отлита из прозрачного розоватого фарфора. Восхитительная грудь испуганно вздымалась, остренькие соски красными пятнышками темнели на ней. Подрагивающий животик был округлым, мягким, лишенный растительности лобок меж покорно разведенными длинными стройными ножками восхитительно гладкий, нежный на один только взгляд.

И эти алые шелковые волосы, рассыпавшиеся по подушке! От одного взгляда на нее Кристиан чувствовал в своем

сердце желание все бросить, забыть Зверя (сам виноват, коли позволил себя вокруг пальца обвести какой-то старухе!) и уехать, забрав красавицу с собой. Такую хочется держать при себе, никому не давать да что там давать - и показывать не хочется! Это мечта, не девушка. И всем бы она была хороша, если б не плакала. А она рыдала, тихо глотая слезы и обмирая от страха, готовая к самому худшему, покорно лежа в позе, какой ее учили - для того, чтобы любить своего Короля. И любого, кого он прикажет любить.

- Ну, не плачь, - повторил в который раз Кристиан, забираясь в постель и положив руку на ее вздрагивающую грудь. - Не плачь, я не сделаю тебе больно. Дай посмотреть на тебя, дай полюбоваться тобой, голубка. Как же ты хороша, как хороша... Да ты же вся замерзла, глупенькое дитя. Дай я согрею тебя.

Он неторопливо развел в стороны ее руки, до того стыдливо прижатые к телу, и огладил их - неторопливо, накрывая всею ладонью, от подмышки до кончиков пальцев. Затем так же долго и любовно гладил все ее тело, накрывая ладонями, словно хотел не только согреть его, но и стереть с ее кожи липкий страх. Гладил грудь и животик, ладонью осторожно и мягко скользнул меж разведенных ног, обнимал крутые бедра.

- Ладная, - шептал он, сжимая ладонями по очереди каждую ее ножку и глада, глада, - ох, какая ладная... Ягодами пахнешь, сладкая... чистая...

Эти неторопливые движения, эти безыскусные ласки возымели чудесное действие. Девушка словно успокоилась, ее рваное дыхание выровнялось, слезы перестали течь из ее темных испуганных глаз, и Кристиан, обласкав даже крохотные ступни, почувствовав, как те становятся в его ладонях теплыми и мягкими, накрыл девушку теплой мягкой шкурой, укутал, как ребенка, и завалился рядом - так, что затрещала старая деревянная кровать.

- Расскажи мне, - велел он, обнимая девушку поверх меха, - чем же напугал тебя Зверь?

Девушка нервно сглотнула, на ее красивом личике появилось выражение ужаса.

- Он рвал меня, - прошептала она. - Он хватал меня стальным пальцами и рвал мое тело, и не было ничего кроме боли и ужаса. Словно раскаленным железом клеймил, входя в меня.

- Резал ножом?

Девушка отрицательно покачала головой.

- Ему не нужно оружия, - прошептала она. - Чтобы причинить боль, достаточно и его тела, его рук. И после ночи с ним не нужны... не нужны мужчины.

- И меня, значит, непустишь? - уточнил Кристиан. Она отрицательно качнула головой, слезы снова потекли из ее глаз.

- Не пущу, - ответила она тихо. - Бери сам, господин. Но ничего, кроме боли и крови, от меня не жди.

- Это жалко, - ответил Кристиан. - Обычно женщинам

нравится то, что с ним делают мужчины. Девушка снова покачала головой:

- Нет. Нет. Старая Королева иногда посылала меня при-
служивать другим, но...

- Может, что не так с тобой? - с сомнением сказал хитрый Кристиан. - Дай посмотрю. А то и впрямь, может и попробовать не стоит? Где, говоришь, Зверь тебе сделал болеее всего?

Рука девушки дрогнула, потянулась и коснулась места между ног - так невинно и откровенно, что у Кристиана в ушах зашумело от возбуждения.

- Тут, господин, - тихо ответила она.

- Раздвинь-ка ножки, голубка моя, я пожалею, - прошеп-
тал Кристиан, осторожно опуская руку к лону девушки. - Я
пожалею...

Осторожно, чуть касаясь пальцами нежной гладкой кожи,
он водил рукой между покорно раздвинутых ножек, скользя
рукой глубоко, под самые ягодицы девушки и возвращаясь
обратно, чуть поглаживая сжавшееся узкое лоно.

- Здесь было больно? - он нащупал сжавшийся вход и по-
гладил его, чуть касаясь.

- Здесь, - тихо ответила девушка.

- У нас, на Севере, волки зализывают раны своим ранен-
ным волчицам, - сказал Кристиан. - Так их жалеют и лечат.
Дай, я полечу тебя. Не бойся. Не возьму тебя, если не пус-
каешь.

Девушка испугано вздрогнула, но ноги покорно развела и

обняла ими горячие плечи Кристиана. Он устроился между ее ног, обнял ее бедра, прижался поцелуем к нежной внутренней поверхности, где кожа тоньше розового лепестка.

- Как же ты пахнешь, - прошептал он, одурев от ее аромата, целуя ее еще и еще, прихватывая губами тонкую кожу, целуя гладкий лобок и скрывающие лоно губы. - Как самая спелая ягода. Нет в мире женщины вкуснее!

Он провел языком по ее губами, еще и еще, все настойчивее, пока они не набухли и не раскрылись перед ним сами, открывая лоно, и девушка вздрогнула, нетерпеливо завозилась.

- Что, больно? - сочувственно спросил хитрый Кристиан, поглаживая ее шелковистые, подрагивающие бедра. - Бедная. Все еще болит.

Он склонился над подрагивающей девушкой и его язык настойчиво пощекотал сжатый вход в ее лоно, мягко, но чувствительно, и девушка снова охнула. В ее животе вдруг разгорелось странное ощущение - жара и слабости, - и лоно, не знавшее ласки, зажгло странным жжением.

- Тут тоже больно? - сочувственно поинтересовался Кристиан, положив горячую ладонь на ее вздрагивающий живот и касаясь языком маленького бугорка меж ее припухших розовых губок.

От самого легкого касания к этому месту девушка охнула, неловко задвигая бедрами, словно пытаясь отползти, освободиться от рук, удерживающих ее за бедра, но Кристиан на-

шел свою сладкую ягодку и отпускать ее не собирался. Его губы сжимали, ласкали ее, язык вылизывал, дразнил этот чувствительный бугорок, и девушка, борясь с противоречивыми желаниями тотчас сомкнуть, сжать ноги или прижиться еще крепче дрожащим телом к жадному языку, к поглаживающему быстро намокающий вход пальцу, унимающему острый жар, но рождающему приятную желанную тяжесть, прорастающую теплым потоком вглубь тела.

- Терпи, ягодка моя, - шептал Кристиан, на миг отстраняясь. Ее крики звенели в его ушах, его руки дрожали, сжимая ее мягкое теплое тело, разгорающееся жаром желания. - Знахарки же, небось, не так лечат? Заставляют пить горькие снадобья за тычут руками куда не следует? Я не обижу, ягодка, - и он снова касался языком набухшего, пульсирующего бугорка, и девушка заходила в нежных столах, не в силах их сдержать.

Лечение Кристиана оказалось странным и коварным; оно было невыносимым, девушка дрожала, крепко прижатая к его языку, к его ласкающему рту, то вскрикивая и мечась, то в изнеможении падая в постель, горячо дыша раскрытыми губами. Она и не заметила, как большой палец Кристиана проник в ее тело, совсем неглубоко, и теперь поглаживал ее изнутри, наполняя ее живот тяжелой пульсацией, такой приятной и желанной. От более глубокого проникновения девушка зарычала, заворчала как волчица, дрожа напряженными ногами, животом, нетерпеливо ерзая и не понимая

сама, чего жаждет и к чему стремится ее тело, наполненное непонятным обжигающе-приятным жаром.

Кристиан, до того укрощающий, сдерживающий свою страсть, свое желание, словно с ума сошел, исцеловав свою ягодку всю, жадно вылизывая ее промежность, каждый сантиметр ее нежной кожи, его губы стали боле жадными и настойчивыми, ласки - более грубыми. Он сжимал руками бедра девушки, словно уже хотел стащить ее пониже, подмять под себя, войти в ее мокрое лоно и почувствовать его жадные сокращения. Его член напрягся, встал, нетерпеливо подрагивая, и даже прикосновения к постели им были невыносимы, мужчина прижимался животом к простыням, стараясь не двигаться, чтобы не тревожить распаленную плоть, и со стоном продолжал ласкать и щекотать языком свою ягодку, сходя с ума от ее нежных вздохов, от изгибающейся поясницы в своих руках.

Дразнящий палец Кристиан вкрадчиво покинул ее, и почти тотчас вошли два, растянув ее лоно так, что она ахнула, задохнувшись от исполнившегося ожидания, рухнула в постель, выгибаясь дрожащей спиной, заходясь в откровенных столах. Быстро, очень быстро, двигаясь в теле девушки мелкими толчками, эти два пальца и язык Кристиана довели девушку до пика - до мига, когда ее дрожащие ноги вдруг ослабились и она, поднявшись в очередной раз, вновь без сил рухнула в постель, содрогаясь вся в спазмах, глядя изумленными невидящим глазами в потолок, широко раскрыв рас-

красневшийся ротик, ахая так, словно душа покидает ее тело.

- Ягодка моя, - шептал Кристиан, целуя ее дрожащий живот, покрытый блестящими сладкого капельками пота. - Сладкая моя...

Ее лоно мягко сокращалось вокруг его пальцев, он осторожно двигал ими в ее теле, расслабленном, томном, поднимаясь с поцелуями все выше и выше по ее подрагивающему животу, по груди, жадно облизнув по очереди острые соски, провел языком от ложбинки на шее до подбородка, припал к горячим подрагивающим губам долгим нежным поцелуем, наконец-то наслаждаясь их вкусом и податливой мягкостью.

- Ягодка моя, - повторил он. - Видишь - совсем не больно? Эта старая ведьма, наверное, прокляла или околдовала тебя. Все у тебя хорошо, все правильно, у такой-то красивой и ладной. Теперь-топустишь меня?

Она не успела ответить, как его пальцы покинули ее лоно. Кристиан навалился, подмял ее нежное тело под себя, обдав ее своим жаром. Он гладил ее бедра, поднимая их повыше, раскрывая перед собой женщину, целовал ее разгоряченное лицо, жадно ласкал ее рот языком, и горячая головка его возбужденного члена ткнулась в ее влажное бедро.

- Не бойся, - шепнул он, устраиваясь удобнее. Головка его члена нашла вход в ее тело, мокрый и жаркий. Кристиан чуть подался вперед, чуть нажал бедрами, и его член мед-

ленно вошел в тугое, жаркое лоно, так сладко и неторопливо, что Кристиан весь сжался и застонал, погружаясь в девушку все глубже, на всю длину, до бархатного чувствительного доньшка. - О, какая ты... сладкая... Изнутри слаще, чем снаружи... сладкая...

Девушка, казалось, даже дышать под ним перестала, принимая его добровольно и не испытывая боли и страха. И когда он вжался своим жестким сильным телом в ее - мягкое, податливое, когда несколькими толчками пронзил ее удовольствием, - она шумно выдохнула, доверчиво раскрывая ноги перед ним шире.

- Вот так, - шептал он, соединившись с нею полностью, наслаждаясь ею, зарываясь в ее волосы лицом, целуя ее плечи, поглаживая ее дрожащие бедра горячими ладонями. - Так с тобой делал Король? От этого больно было? Теперь не будет. Никогда не будет. Ягодка моя... Сладкая моя...

Его движения в ней были осторожными, плавными. Он то ласкал ее неглубоко, на самом чувствительном месте у входа, двигаясь легко, то погружался очень глубоко, надавливая членом на чувствительное доньшко. И девушка ахала, беспомощно и удивленно, ее животик дрожал под его животом, и мужчина с ума сходил от ее изумления и радости, с какими она принимала его ласки. Глядя на ее блаженно закрытые глаза, на подрагивающие раскрытые губы, на рассыпавшиеся волосы, он словно сам загорался, ускоряя движения, с силой входя в нежное тело, вжимался все сильнее, все жестче.

- Не больно тебе, дитя мое? Не больно?

- Нет... Ооооо! Нет...

Ее горячие руки обвили его плечи, он припал поцелуем к ее вздрагивающей шее, вжался сильнее, еще сильнее, сходя с ума, и движения его стали сильными, быстрыми и жесткими. Девушка под ним стонала, крепче вцепляясь в его мощные плечи, ее ноги обняли его, а одна ее рука словно нечаянно скользнула на его поясницу, чуть ниже, на ягодицу, жадно цапнула его раскаленную кожу.

- Ягодка моя, а ты горяча!

Кристиан хрипло рассмеялся, приник к ее губам долгим поцелуем, и она, постанывая, ответила - неумело, но пылко, с обожанием целуя его губы, его лицо.

- Бери меня, господин, - шептала она, мечась в любовном забытии. - Я твоя... Люби меня...

Запертый Зверь

Девушка проспала недолго. Всего часа хватило ей, чтобы освежить свой уставший, истерзанный страхом, печалью и потрясением разум. Стоило только Кристиану подняться и отойти к столу, как она тоже заворочалась под ворохом тонко выделанных шкур, из-под темного меха показалось ее заspanное хорошенькое личико и огненные спутанные волосы, и Кристиан засмеялся, заметив, что она принюхивается, как сонный еж, выбравшийся из своей травяной норки по весне.

- Есть хочешь, ягодка?

- Хочу, - смущенно призналась девица и улыбнулась.

Улыбка украсила ее лицо еще больше, большие темные глаза под полуопущенными веками засияли, карминовые губы обнажили ровные белые зубы и Кристиан, покачав головой, даже с сожалением подумал о том, что именно она волей судьбы оказалась избрана для осуществления его плана.

«А ведь ее придется отдать Королю, - вдруг понял он. - Она его невеста. Впрочем... может, он все ж ее мне подарит? Что загадывать сейчас?»

- Ну так держи, ягодка. Только еда у меня простая.

Жадно схватив предложенный ей кусок хлеба с ломтиком вяленого жесткого мяса, она взгрызлась в это нехитрое угощение, даже постанывая от удовольствия, перевернулась на спину, блаженно закрыв глаза. Кристиан, неторопливо ту-

шивший свечи, испускающие смрадный тонкий дым серыми лентами, снова глянул на нее и усмехнулся.

«А она не богатого сословия, - подумал он. - Ест, пальцы облизывает. Простая, открытая. Любопытная, живая как белка. Горит, как огонек. Стоило страху отступить, как она ожила. Доверилась мне. Нет в ней неловкости. Чуть не потушили, бедную...»

- Чья ты дочь, Катрина? - спросил Кристиан, припоминая, как девушку называла Старая Королева. Обойдя всю комнату, он потушил все свечи, погрузив ее во мрак. - Я вижу, ты не из знати. Стала бы знатная дама есть мой хлеб... Тьфу ты, у этой старухи даже свечи пахнут смертью и тленом... лучше мои зажжем, всего пару, но нам хватит. Ну, ныряй обратно под шкуры!

- Что ты знаешь о пище, которой потчует Старая Королева? Крысы на помойке питаются лучше, а вот твой хлеб... Мммм, вкусно как! Кажется, всю жизнь не ела ничего такого же вкусного!

Катрина мигом зарылась в мех, только тонкая рука ее торчала наружу, удерживая недоеденное угощение над полом, чтоб не крошить в постели. Кристиан шагнул в темноте к морозному окошку, стекленному разноцветными мелкими стеклами, рванул раму, сталкивая с нее пухлые шапки снега, и в комнату полился обжигающе-холодный свежий воздух, вытесняя вонючую дымную духоту. Мороз тронул обнаженную кожу Кристиана, отчего дрогнули его мышцы, подо-

брался живот, ворвавшийся ветер швырнул в грудь мужчин целый рой колючего снега.

- Застудишься, господин, - пискнула Катрина, глядя, как Кристиан, склонив голову, отворачивая лицо от пурги, рвущейся в окно, удерживает раму открытой.

- Ничего, я привычный, - ответил Кристиан. - Но ты не ответила. Чья ты дочь? Торговца? Ремесленника?

- Не угадал, - фыркнула девушка. - Охотника. Мой отец охотился в этих лесах.

- Охотился? - переспросил Кристиан, захлопнув окно. Вой пурги умолк, стало совсем тихо, но холодно, обжигающе холодно, и Кристиан поспешил в постель, к ожидающей его девушке.

Скользнув под теплые шкуры, он обнял ее бедра ледяными ладонями, ухватил за мягкий живот, отчего она завизжала, колотя ногами, засмеялась.

- Живая! - целуя ее душистые щеки холодными губами, шептал Кристиан, подминая ее под себя, нарочно греясь об ее распаренное тело. - Веселая. Хорошая ты девушка, Катрина, охотничья дочь. Так что стало с твоим отцом?

Катрина вмиг смолкла, перестала залиvisto смеяться, напряглась. Кристиан почувствовал, как ее руки уперлись в его плечи, словно девушка хотела с ненавистью скинуть его с себя, оттолкнуть.

- Я дорого досталась Королю, - прошептала она с лютой злобой. - Очень дорого. Они гнали меня, а отец бил их стре-

лами как вепрей!

- Многих убил?

- Восьмерых. Восьмерых, прежде чем его...

- Ничего, Катарина, ничего. Не тебе ли не знать, что иногда жизнь страшнее смерти будет?

- Твоя правда, господин, - вздохнула Катарина и словно оттаяла, расслабилась, позволила его рукам обнять себя. - Почему ты все время спрашиваешь о нем, господин? О Звере?

- Потому что я приехал сюда ради него, - ответил Кристиан. - Я оставил тут друга и человека, а теперь вдруг слышу о каком-то монстре и чудовище, каковым он никогда не был. И мне не нравится, ой как не нравится то, что я слышу.

- Но он чудовище, - доверительно прошептала Катрина. - Жуткое чудовище! На руках его стальные когти, он ими скребет по стене, приближаясь. Этот жуткий звук... от него я чуть не померла от страха!

- Такая-то бойкая девица? - усмехнулся Кристиан, и Катрина с жаром закивала:

- Видит бог - я не вру! Очень напугалась. От звука его крадущихся шагов, от шуршания его шубы по полу, от его гадкого, злого смеха... Он ходил в темноте по комнате, невидимый, высекая этот скрежет из каменных стен, и тихо смеялся, слыша, как мне страшно, как я плачу и дрожу на ложе, ожидая его.

- Так он не сразу напал?

- О, нет! Ему как будто нравилось пугать меня. Он наслаждался моей беспомощностью и ужасом. Знаешь, господин, как страшно лежать голышом, привязанной за руки и за ноги, не ведая, что придет в голову Зверю? Я уж молила, чтоб все скорее кончилось. Хотела даже, чтоб он убил меня, но он играл, пугал, пока не насытился... Там все стены исцарапаны, я видела. Он всех так пугает. Пьет их отчаяние, страх и стыд.

- Странно это. Старая Королева говорила, что Зверь себя сдерживать не мог, как хотел женщину, а ты говоришь о неторопливом и злобном, расчетливом существе...

- Я с ним тогда была, а не она!- огрызнулась Катрина. - Мне знать лучше, как ведет себя Зверь, когда хочет!

- Не сердись, ягодка. Ух, как норов у тебя крут! Как ты переменялась! Строптивая какая! А где та тихая послушная дева, что я привел сюда? Может, выдрать тебя для остратки?

- Ты обещал, что не обидишь. Слово Сердечного Брата Короля давал. Или твое слово уже ничего не стоит?!

Кристиан рассмеялся, удобнее устраиваясь меж ее ног, заставляя ее обнять себя крепче, чтоб согреться скорее.

- Ладно, не злись, ягодка, - проговорил он, - говори дальше.

- А что дальше? Дальше он набросился на меня, навалился медвежьей вонючей тушей, аж не вздохнуть было. Стиснул своими стальными когтями мне щеки, да так, что, казалось,

нажми он еще чуток - и кожа треснет. Смеялся мне в лицо, сидя у меня на животе. Маску не снимал - я видела только, как глаза горят дикие в прорезях. Красные, как угли. Как у демона, как у быка дикого. Стаскивает штаны, а у самого руки трясутся, когти друг о друга гремят. Я молила быть мягче и кричала, что он не разбойник в лесу, а Король, да только он все хохотал, как безумный... и насильничал потом люто, дико. Нарочно больнее делал. В шубе своей, не раздеваясь. Как нелюдь. Как животное. Как безумное чудовище. Словно мстил.

- Почему мстил? - спросил Кристиан.

- Не знаю. Такую боль и с таким наслаждением причиняют только лютым врагам, а не невестам. Что я плохого ему сделала? Ничего. Так за что он ненавидит меня так?

- Странно, странно... - проговорил Кристиан задумчиво. - Я спрошу у него...

- Спросишь?! Как же ты спросишь, господин, коли Король нем?!

- Нем?! - удивился теперь Кристиан. - Вот тут ты что-то путаешь. Когда я знал его, он был весьма болтливым и даже похабные песни любил петь, каким его научили в походе старые вояки... С чего это он нем?!

- Онемел, говорят, от болезни, - ответила Катрина. - Мне откуда знать?! Да только я точно знаю - он нем. Он и слова не мог сказать, хотя и старался, мычал что-то злобно. Может, от той же болезни у него что-то в голове переменялось?

- Болезнь?! - тут Кристиан подскочил, выпрыгнул в холодный воздух, нащупывая в темноте штаны и сапоги. - А мне сказали - Король здоров, и я верил этому человеку... вот пес, никому доверять нельзя...

В свете двух свечек Кристиана, которые горели не в пример ярче свечей Старой Королевы и не чадили сгорающими фитилями, Катрина смотрела, как лихорадочно одевается Кристиан, и понять ничего не могла.

- Да что такого-то, господин? - спросила она, наконец, когда он подобрал ее вещи и кинул ей.

- Прикройся, - коротко велел он. - Надень что-нибудь.

Катрина послушно натянула нижнюю рубашку, и Кристиан снизошел до объяснений:

- Я думал, Король просто зол. Мне ведь сказали - тоска на него напала, ты рассказываешь мне сейчас о болезни его. От тоски я мог бы его излечить, для того-то я тебя и выпросил у старухи. Думал свести вас; отведав твоей любви, Зверь бы смягчился, и ты, если б была умна, стала бы королевой. Но коли он болел и лишился рассудка, голоса и человеческого облика... То-то я подивился, что он не вышел встретить меня, но подумал - негоже было б Королю выбегать навстречу по первому зову...

Кристиан смолк угрюмо, и Катрина поняла то, о чем он промолчал. Он промолчал о своем бессилии в том случае, если Зверь сошел с ума и о своей досаде, потому что задум-

манный им план тогда никуда не годился, и единственное, что мог он сделать для безумного Зверя - удавить Старую Этель, отомстить за то, что не уберегла его друга .

- Прости, господин, - сухо ответила Катрина, снова пряча под шкуры. - Нет в том моей вины, отчего ты сейчас гневаешься. Мне жаль вашей дружбы, и тебя жаль, господин, ты дорогого твоему сердцу брата потерял. Да только я рада тому; не хочу я быть его Королевой.

- Кристиан, подпоясываясь, крепко стягивая на своем теле ремни, с насмешкой посмотрел на Катрину:

- Не хочешь? А чего ты хочешь?

- С тобой на север хочу, господин. Лучше в твоём войлочном походном шатре жить, чем в замке Зверя трястись от ужаса.

Кристиан хмыкнул довольно. Слова девицы приятно кольнули его самолюбие.

- Что ж, - вздохнул он. - Этель тебя мне подарила. Если Зверь... если ничего уже не поправить, то я. Конечно, заберу тебя с собой. Ну, спать ложись. Я пойду узнаю кое-что, и, вероятно, с утра уже собираться будем...

Кристиан нахмурил брови, зубами закрипел от досады, скрывая от девушки боль, разрывающую ему сердце.

«Зверь, брат мой названный... как же так?! Ну, Старая Этель, ты мне ответишь за это!»

Сердечному Брату Короля все двери в замке были откры-

ты - или он открывал их пинком, не опасаясь, что хозяева могут воспротивиться его желанию зайти в тот или иной тайный уголок их жилища.

Однако, как ни странно, в крыле, где жил Зверь царили тлен и запустение. По галерее ветер гонял сухие черные листья мертвого плюща, ни один факел не освещал своим светом своды и лишь луна лила свой мертвый ядовитый свет в тихий, словно замерший замок. Покои Короля оказались закрыты, и у дверей, окованных черным железом, Кристиана встретили охранники - Звероликие, верная стража Короля Зверя, огромные, сильные, свирепые, в черной броне, с масками медведей на лицах. Грозно выставили они свои пики против Кристиана, не говоря ни слова. Кого охраняли они - Короля от мира или мир от Короля? Об этом Кристиан не успел спросить. Так же молча, свирепо и неумолимо, охрана напала на него, отгоняя прочь, в темную холодную галерею, подальше от черных печальных дверей, от молчаливых покоев закрытого Зверя.

- Да что же это такое, - прошептал Кристиан, потрясенный, отступая от нацеленного на него оружия. К такому приему он не был готов совершенно, и даже в его бесстрашном сердце шевельнулся холодный жуткий ужас. - Что ж тут творится?! Брат, Зверь, неужели ты велишь убить меня?!

Звероликие молчали. Им не велено было ничего объяснять, им велено было хранить покой Короля, и они готовы были умереть, но не пустить никого дальше.

- Тогда я убью всех или погибну сам, но я войду в эту дверь и увижу, что стало с тобой! - прокричал Кристиан, хватывая меч. - И если ты хочешь, чтобы я умер пусть так и будет!

Его оружие высекло искры, столкнувшись с атакующими его алебардами, по пустой галерее прокатилось испуганное эхо, лязг и злая грызня - обычные звуки драки и ярости.

- Не смей прятаться от меня, словно трус! Если это ты, а не самозванец, ты откроешь мне дверь и я услышу твой голос! А если я высажу эту дверь и увижу там самозванца... многие в этом замке пожалеют, что на свет появились!

Как бы силен и умел не был Кристиан, а Звероликие не уступали ему. Все так же молча и неумолимо они вытесняли его прочь от покоев Короля. Несмотря на все приказы Королевы, у них был свой приказ, полученный от Зверя, и они, фанатично преданные Королю, выполняли его.

- Зверь! - кричал Кристиан, отбиваясь от нападающих на него Звероликих, - от кого ты защищаешься? От меня?! Или меня от себя спасаешь?! Так это напрасно; я не боюсь тебя, слышишь?! Ты брат мой, и я не боюсь тебя!

От этих слов старый замок словно вздрогнул, вздохнул глубоко, втягивая холодный воздух в свои неисчислимые покои и потайные комнаты, и черные железные двери за скрипели, отпираясь. При звуке скрипящих петель и скрежущего по полу металла Звероликие словно оцепенели, опустив мгновенно свои пики и отступив от взъерошенного

Кристиана. На полу заплясал теплый желтый свет, отблески живого огня, и на пороге своих покоев появился тот, кого звали Зверем.

- Ты не боишься, - глубоким голосом произнес он, - но я сам себя боюсь. Здравствуй, брат. Тебе не нужно было приходить ко мне, ибо я проклят.

- Зверь?! - прошептал Кристиан, вглядываясь в высокую фигуру, скрытую одеждами. - Ты ли это?!

- Я, - глухо ответил Король. - Зачем ты спрашиваешь? Ты же узнал меня.

Король, как все и говорили был в маске. Его боевой шлем медведя скрывал его голову, не давая ни малейшей возможности увидеть его лицо. На плечах Короля, поверх богатого королевского наряда из темного бархата, богато расшитого драгоценными камнями, лежала тяжелая шуба из медвежьей шкуры, и даже руки его скрывали перчатки из черной кожи. Король словно прятался от солнца, чтобы ни клочка его тела свет не видел.

- Но демоны тебя подери, что с тобой стало?!

- Ты сам ответил на этот вопрос, Кристиан. Демоны меня взяли. Однажды приходится отвечать за свои грехи. Они настигли меня, и я несу кару за свою жестокую жизнь. Проходи, брат мой. Мы поговорим, если уж ты пришел.

Кристиан бросился мимо расступившейся перед ним стражи из молчаливых Звероликих, подбежал к Зверю, по-

рывисто обнял его, прислушиваясь к биению сердца под пышными одеждами.

- Ты жив! - выдохнул он радостно. - Ты здоров! Значит, все не так страшно. Как же я рад тебя видеть!

- И я рад, Кристиан, - глухо ответил Зверь. - И я.

В комнатах Короля было тихо и мрачно, огромный пылающий камин давал тепло и свет. Стены, обитые шелковыми обоями, испуганно прятались в полумраке, на резном столе стояли остатки трапезы - видимо, в печали у Короля был неважный аппетит, он почти не притронулся ни к жареной оленине, ни к вину.

- Зверь, - произнес Кристиан увереннее усаживаясь в предложенное Королем кресло, - объясни мне, что происходит? Я слышу тут странные вещи о тебе, и они мне не нравятся...

- И все это правда, - устало ответил Король, опускаясь в кресло напротив Кристиана. - Что ты хочешь услышать? То, что раз в месяц на меня находит безумие и я хочу женщину так, что кровь кипит в жилах? Это верно. Я впадаю в ярость, такую страшную, что лучше мне сидеть под замком. Но и женщины не приносят мне покоя. Они боятся меня, и стоит мне протянуть к ним руку в темноте спальни, они начинают кричать, биться в ужасе и отвращении. Никакие слова не могут успокоить их, да они и не слышат слов. Впрочем, не уверен, что в тот миг я говорю. Мне кажется, я превратился в монстра, в животное, поросшее колючей шерстью, в кро-

вожадное чудовище, которое все боятся и ненавидят.

- Однако, сейчас ты говоришь, - с сомнением произнес Кристиан, поднимаясь. - И говоришь как человек. А мне говорили, что ты нем после болезни.

- Не было никакой болезни - по крайней мере такой, какая приковывала бы меня к постели. Только мое безумие и страх. В припадке безумия все не так, - ответил Кристиан. - Я не слышу собственного голоса и мне кажется, что из горла у меня вырывается какой-то вой. Поначалу я надеялся скрыть свое безобразие под одеждой, рассчитывая на то, что... что невеста не увидит моего безобразия и не станет кричать, плакать и проклинять меня. Но они все равно кричали! - Зверь яростно ударил кулаком по столу, да так, что подскочил кубок и упал, разлив по полированной поверхности алое вино.

- А Этель не боится? - уточнил Кристиан, зажигая свечи и прогоняя царивший полумрак.

- Этель... - Зверь яростно скрипнул зубами. - Я ненавижу ее столь же яростно, как врага на поле боя, но она единственная... единственная, кто принимает меня. И говорит, прижимаясь, что любит меня! Говорит, что не отдаст никому, что наверно будет связана со мной, шепчет слова страсти своими старыми губами!

- Так за что же ты ненавидишь ее?

- Каждый раз, когда я возвращаюсь от очередной невесты, не выдержав криков и плача, Этель смеется надо мной. Она погибает от ревности каждый раз, и вымещает на мне

свою злобу. Она с хохотом говорит мне, как я ужасен, она напоминает свои слова о том, что не примет меня женщина, она издевается над моим горем и лишь оплеуха заставляет ее умолкнуть!

- Так бросил бы ее и вернулся бы на Север. Север примет тебя любим.

- А наш договор? Наша сделка?

- Этель давно не помогает Северу. Именно поэтому я тут.

Кристиан поднял подсвечник повыше, освещая комнату. В углу, в огромной раме из черного зеркала, блеснуло треснувшее зеркало...

- А что, если примет тебя женщина? - вкрадчиво произнес Кристиан, оборачиваясь к Королю. - Что, если не станет кричать? Что, если ты сможешь ее взять, что, если она родит тебе наследника?

- Не смей так шутить со мной, Кристиан, - прошептал Зверь, качая головой. - Не смей. Ты не знаешь, что такое - быть проклятым и всеми ненавидимым и презираемым. Не знаешь, что такое - не знать тепла и ласки и слышать только вопли боли и ужаса.

- Так ты брал их? Насиловал?

- Не спрашивай. Я не знаю, как делал это. Это зверь, захвативший мою душу, не я.

- Дай мне руку, брат.

Кристиан подошел к Королю, поставил подсвечник на стол, свет от пламени свеч разогнал полумрак, блеснул в тем-

ной густой луже на полированной поверхности.

- Зачем?!

- Дай мне твою руку, если ты не трус.

Зверь нехотя, колеблясь, вытянул свою руку вперед, его пальцы, затянутые в черную кожу перчатки, чуть заметно дрожали. Кристиан ухватил протянутую ему руку, рывком содрал перчатку и Король вскрикнул, мгновенно подскочив на ноги.

- Смотри! - прогремел Кристиан, сжимая крепкое запястье друга. - Это всего лишь человеческая рука! Ни когтей, ни жесткой шерсти, ни крови, ни грязи - ничего! - он рванул рукав королевской одежды, обнажая сильную руку короля по локоть, градом на каменный пол посыпались золоченые пуговицы. - Там, под одеждой, ты человек, не зверь! Не монстр и не чудовище! Я не верю в демонов и в оборотней, но верю в злую человеческую волю! Расскажи мне, как эта чертова Старая Королева умудрилась заставить тебя поверить в эту чушь?! Чем она опоила тебя, что ты стал подобен чудовищу? Клянусь тебе - это ложь!

Король, словно замороженный, смотрел на собственную руку как на самое огромное чудо в мире в свете свечей и потрясенно молчал, даже дышать боясь.

- Я думал, меня покрывает чешуя, - пошептал он. - Я не смотрел на себя уже давно... за мной ухаживали, как за драконом на цепи, мыли и расчесывали, а я не смел открыть глаз... чтобы не увидеть того... кем я стал...

- Тебя примет женщина, - уверенно повторил Кристиан. - Любая. Первая попавшаяся.

- А если нет? Если безумие снова?..

- Я буду с тобой. Я сумею остановить тебя, - ответил Кристиан. - Мало ли женщин мы делили? Разделим и эту. Потом я увезу тебя. Ты насквозь отравлен дымом и воздухом этого замка, яды Этель всюду, даже в ее свечах. В лесу, на охоте, ты глотнешь свежего воздуха, вкусишь свежей пищи и крови животного, и станешь прежним. А после решай сам, оставаться ли и выполнять договор, или...

Вкус поцелуев Зверя

Кристиан вернулся поздно ночью, уставший, но довольный.

Долго возился, разводя огонь в давно простывшем камине, чтобы наполнить комнату теплом. Катрина, проснувшаяся от его покашливания, от треска поленьев в разгорающемся пламени и от гудения поднимающегося по дымоходу дыма и пламени, уселась в постели.

- Господин, - испуганно позвала она. - Что... что случилось?

- Ничего, дитя мое, - задумчиво произнес Кристиан. - Все хорошо... хорошо...

Он смотрел на огонь, ломая в пальцах мелкую щепу, его лицо покраснело от жара пламени, и о чем он думал - Катрине он не сказал.

- Король сегодня придет сюда, - произнес он, наконец, и Катрина вскрикнула, до подбородка натянув теплые меха. В темных прекрасных глазах ее вперемишку с пламенем отражался ужас.

- Я не хочу, господин! - в панике вскрикнула она, дрожа, как пойманный в силки заяц. - Он!..

- Он не причинит тебе никакого вреда, - отозвался Кристиан голосом, не терпящим возражений. - Если он только попробует... я сказал, что воткну кинжал ему в сердце, и он

на то согласился. Слово Сердечного Брата Короля.

- Согласился?! - удивленно выдохнула Катрина. - Он... говорит?

- Так же, как и мы с тобой, дитя мое, и он весьма разумен. Я застал его в дурном расположении духа, но в здравом рассудке. Он тяжело страдает оттого, что все... так.

- Страдает?! - выкрикнула Катрина, подскочив. - Это он страдает?! После всего, что он сделал?!

- Он один, всеми ненавидим и нелюбим, - ответил Кристиан. - Ладно, прекратим этот бесполезный спор. Ты - его невеста, ему принадлежишь. Забыла? Твоя первая обязанность - любить своего Короля...

Губы девушки вздрогнули, она бросилась лицом в подушки, вздрагивая от рыданий, и Кристиан, почувствовав, как дрожит его сердце, безотчетным движением встал, бросился к ней, обнял ее плечи. Зарылся лицом в ее алые кудри.

- Не плачь, - шептал он, целуя ее плечи, шею, - но ты должна помочь мне, должна! Он должен поверить в то, что он человек, а он в это не верит, о, нет! Он сам себя боится - так околдовала его проклятая старуха! Он хочет знать, что он человек! После... после я заберу, увезу тебя, если захочешь! Я обещаю! Я не позволю ему причинить тебе боль.

- Моя обязанность, - горько ответила ему Катрина сквозь слезы, - любить Короля...

- Ну, не плачь! - уговаривал Кристиан. - Он не прикоснется к тебе, если ты будешь плакать. Он не хочет слез, страда-

ний и страха. Не сейчас. Не с тобой. Он хочет твоего тепла.

Уговаривая девушку, Кристиан неторопливо раздевался. Стащил сапоги, расстегнул пояс. Расстегнул куртку и бросил ее в угол. Туда же отправились его штаны и рубаша, и он, обнаженный, прижался к вздрагивающей от слез девушке.

- Не плачь, - шептал он, поглаживая ее гибкую спину сквозь тонкую ткань ее рубашки. - И не бойся ничего. Я с тобой.

Двери чуть слышно скрипнули, но Катрина не услышала этого. Кристиан целовал ее, распуская завязки ее рубашки, поглаживал ее плечи, запускал руки в рассыпавшиеся шелковые волосы.

- Ягодка моя, подразнить тебя? Тебе же понравилось в прошлый раз?

Кристиан стащил с ее нежного тела, блеснувшего белоснежной кожей в свет свечей, рубашку и поставил ее в постели на колени, устроившись между ее ногами. Целуя ее, краем глаза он следил за темной фигурой, чуть слышно движущейся в полутьме, у дверей.

Язык Кристиана снова нашел возбужденный бугорок между ног девушки и погладил его так коварно, так остро, что девушка ахнула против своей воли, дрогнула и ухватила руками за спинку кровати, дрожа от этой ласки. Удовольствие заставило ее на миг позабыть о своем страхе, она чуть двинула бедрами, ласкаясь об щекочущий ее язык, и возбуждение теплом наполнило ее живот, жаром опалило запульси-

ровавшее лоно.

Его пальцы любовно огладили ее спину, и потому она не сразу поняла, что кроме его рук ее ласкает еще одна - такая же горячая и тяжелая ладонь, скользя по атласной коже ее спины, откидывая с плеч волосы, жадно гладя шею, затылок, зарываясь пальцами в густые пряди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.